

ре из сентябрьского выпуска, то становится ясным, что посланец преисподней находился в обществе вольтерьянцев, повторявших в своей беседе невежественные, как полагал Эмин, суждения их французского кумира. Когда разговор заходит о двух стихотворцах, «которых сочинения украшают славу нашего отечества», то в спор вмешивается присутствующий там некто «М», «человек, довольно учившийся и в науках упражняющийся, который видел и знает свет» (АП XI, 265, 266), то есть, как должен понять читатель из этой характеристики, отличный от компании своим здравым смыслом, опытом и положительными, основательными знаниями. Склоняясь отдать преимущество Сумарокову, он притом советует последовать «г Волтеру, судящему спор тех, кои не знали, французских ли стихотворцев предпочесть аглинским и италиянским или последних первым», и с ним сказать «„Heureux est celui, qui sait sentir leurs différents mérites“, то есть „счастливей тот, который может знать и ощущать разные их достоинства“» (АП XI, 272). М цитирует заключительную фразу двадцать второго «философского письма» «О г-не Попе и некоторых других знаменитых поэтах» («Sur M Pope et quelques autres poètes fameux», VOC XXXV, 189, ср. ВФС 177), и это не единственное место в его пространной аргументации, где он опирается на суждения французского писателя. Так, в подтверждение своей мысли о превосходстве Сумарокова в баснях над «самим де Лафонтеном» он указывает, что у последнего «есть весьма много ошибок в плавности штиля, сему роду весьма нужного, примеченных г Волтером, а в баснях нашего стихотворца весьма мало их найти можно» (АП XI, 267). О многочисленных языковых и стилистических погрешностях Лафонтена говорилось в статье «Басня» («Fable») «Философского словаря» («Dictionnaire philosophique», 1764, VOC LV, 44–49).¹⁷ Приступая к рассуждению о превосходстве «трагика» над «одистом», М напоминает своим слушателям о том, что, по мнению их французского авторитета, «гораздо славнее быть хорошим трагиком, нежели лириком» (АП XI, 268). Далее оратор посвоему развивает это положение, и, когда заходит речь о том, что в трагедии «все < > должно быть в виде совершенства, в которое посредственность невместна», пересказывает отзыв Вольтера о Шекспире и Отвее в восемнадцатом «философском письме» «О трагедии» («Sur la tragédie»), поскольку из него логически выводится похвала Сумарокову «Толико трудно составить

¹⁷ Ранее беглые критические замечания о некоторых баснях Лафонтена Вольтер высказал в разделе «Fable» своего сочинения «Connaissance des beautés et des défauts de la poésie et de l'éloquence dans la langue française», 1749 (VOC LXIII, 82–85).